

Дом дворянского собрания был великолепно освещен; плошки на воротах, плошки у подъезда; кареты, коляски, брички, сани везли целые грузы бабушек, маменек, дочек, внучек; собрание было блистательное. Два жандарма, стоявшие у крыльца, не успевали отгонять опорожненных экипажей. Канцелярские стряхивали снег с своих шинелей, артиллеристы, смотря с улыбкой презрения на этих фрачников, гордо расправляли усы и всклокоченные волосы. Но то ли еще было в зале!

Четыре люстры величаво спускались с потолка; вдоль стен расставлены были диваны, крытые оранжевым ситцем с зелеными узорами, а на передней части залы под огромным зеркалом стояли два пунсовые кресла. На хорах тринадцать человек музыкантов сидели в ожидании входа губернатора с поднятыми смычками, готовясь огласить залу при его вступлении полонезом из "Русалки". Диваны были уже заняты дамами всех возрастов и чинов; статские смиренно расхаживали по зале с круглыми шляпами в руках; кавалеристы с нетерпением бряцали шпорами; старики умильно кружились подле расставленных карточных столов, но никто не начинал ни танцевать, ни играть. Общество походило на огромного истукана, для которого душа не была еще ассигнована. Кое-где мужчина, проходя за диванами, останавливался позади девицы и, наклонясь, шептал ей, вероятно, что-нибудь очень приятное, потому что улыбка вдруг расцветала на устах девушки, и, глядя на нее, маменька самодовольно поправляла свой чепец.

Вот явился и крошечный прокурор в огромном парике, который уже тридцать лет венчает эту голову, глубокий тайник законов. За ним плывет толстая прокурорша с четырьмя дочерьми, из которых меньшая головой выше своего папеньки. Статские почтительно расступались перед законоведцем, а несколько артиллеристов порхнули к его дочерям.

- Mademoiselle Esperance, вы ангажированы на мазурку?

- Ах, да!

- Кем?

- Мусье Сидоренко.

- Как я несчастлив.

И рыцарь изъявил свою горесть отрывком из одной русской поэмы, которой сочинитель испытал бы еще большую горесть, услышавши, как безжалостно исковерканы были его стихи.

Зала совершенно наполнилась, а танцевать все еще не начинали; бьет десять часов; на всех лицах нетерпение; но все сидят как прикованные. Вот влетело в залу розовое облачко, предвестник яркого светила. Это был городничий. Ропот надежды пробежал по всему собранию; от дверей до пунсовых кресел составила широкая дорога, и глубокое молчание воцарилось в зале, как на море тишь перед грозой; музыканты ударили в смычки; радостный трепет потряс молодых девиц до самого основания, и губернатор важно вошел в дверь, ведя под руку свою величественную половину, украшенную блондами, цветами, перьями, ярко-малиновым беретом и бронзовою фероньеркою, которой три висащие стеклышка качались как маятники над ее широким носом. При входе в залу он вручил шляпу свою дежурному чиновнику, который нарочно для того стоял у дверей с самого начала вечера. Губернатор и губернаторша продолжали шествие; все склоняло головы по мере их приближения, дамы вставали с мест: да! вставали; таков непреложный этикет губернских балов. Только военные позволяли себе кланяться с развязным видом. Грозная чета опустилась на мягкие кресла; дамы окружили губернаторшу, и она снисходительно кивала им головой, а некоторых милостиво спрашивала даже о здоровье. Но более всех суежилась приехавшая с ней маленькая полицеймейстерша, одетая по последней картинке московского